

Б. ЧУЛКОВ

ВЕЧНАЯ
МАСТЕРСКАЯ

СТИХИ

СЕВЕРНО - ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1968

Борис Чулков родился в Вологде в 1932 году. Здесь окончил среднюю школу, а затем учился в Ленинградском институте иностранных языков, после окончания которого снова вернулся в Вологду.

Стихи начал печатать с 1957 года. В 1960 году в Вологде была издана первая книга стихов Б. Чулкова «Щедрый дождь». Затем вышли сборники «Яблоко от яблони» и «Погода века». «Вечная мастерская» — четвертая книга поэта. В ней по-прежнему ощущается любовь автора к родной северной природе, стремление философски осмыслить жизненные явления.

* * *

Какая емкая земля!
Какая мощь у ней и сила:
как бы ее ни затопило —
все выпьют летние поля!

Но только надо полем быть,
а не запущенным болотом,
чтобы — в себя приемля что-то —
и что-то путное родить!

* * *

Дни тикают, как точные часы:
то капли с крыш спадают,
как мгновенья,
слетая на незримые весы,
и — вследствие закона тяготенья —
та чаша их, куда летит капель,
от каждой капли явно тяжелеет
и чашу ту, где лед, снега, метель,
перетянуть старается скорее.

На те весы глядит природа-мать,
по-матерински людям возвещая:
«Пора! Морозам больше не бывать.
Готовьтесь, люди, так весну встречать,
чтоб вес снегов и вод
потом сравнять
горой зерна на чаше урожая».

* * *

В этих рощах глядит на пришельца весна
из черемух, чей свет белоснежен...
Светлый север! Несет тебя мая волна,
точно парусник белый на стрежень.

Я гляжу на тебя, как заблудший матрос,
что на суше не знает покоя.
Я скажу тебе то, что я в сердце принес:
«О, возьми меня, парус, с собою!

Поплывем, не страшась ни зыбей, ни тревог,
выйдем в путь, что велик и безбрежен...»
В этих рощах летит на меня холодок,
точно ветер морских побережий.

* * *

На свете есть такая деревушка,
где не родился я, а лишь бывал.
Течет сквозь чащу чистая речушка,
на фоне леса виден сеновал.

Была война. Лишенья и утраты.
И детству был отрадой этот путь —
пойти, дойти до мельницы крылатой
и в пруд, обросший ивами, взглянуть...

Пускай другой отрезок жизни начат,
пусть ход времен никак не обратим,
благодарю святую ту удачу,
что стал я там природе побратим...

Я и теперь бываю там порою.
Хоть старики и померли давно,
там все, как встарь: опять передо мною
изба, крыльцо и низкое окно.

Но есть и новь: дома из камня строят,
как будто сказку новую творят:
недалеко, за ближнею горою,
встают, как в сказке, три богатыря...

Пусть не знаком я с новым населением,
но я, приятною давнею влеком,
не раз приду просить благословенья
у темных ив, склоненных над прудом.

Теперь недолго: подгоняет шины
асфальтовая быстрая стрела.
Деревня эта с детства до кончины,
как ива, в почву памяти вросла.

* * *

Нашу область помянут по радио
чаще в случае том, если дождь
иль мороз захотели порадовать
край лесов, перелесков и роц.

Прямо скажем, здесь лето стыдливое,
и непóдолгу солнечный взор
устремлен вместе с соснами, с ивами
в перевозданность студеных озер.

Проезжаешь лесною дорогою
и подолгу не встретишь жилья...
Право, можно сказать еще многое,
но ведь родина это твоя.

Это — дом, не минутное стойбище.
Это — дом, он — от предков в крови.
Пусть сулят тебе рай и сокровища —
как изменишь ты этой любви?

Говорят, что огонь, скрытый-спрятанный,
и погаснув, тaitся в золе.
Так и в теле, в любом его атоме,
есть привязанность к этой земле.

* * *

От асфальтированных улиц
меня всегда влекло туда,
где под окном рябины гнулись,
кусты шептались у пруда.
Из горницы с намытым полом —
едва рассвет — была видна
и мягкость клеверного поля,
и леса колкая стена.
Да вот и это вспомнить стоит:
пилось из кружки так легко
слепяще-свежее, густое,
негородское молоко.
Ах, эта белая прохлада
в зеленый солнечный июнь...
Иль август яблоком из сада
манит к себе — и свеж, и юн...
Или тропинкой потаенной
сквозь редкий лес пройти к реке,
такой задумчивой и сонной,
уснувшей в чутком ивняке;
смотреть на хрупкие березки
на горизонте впереди
и слушать ветер августовский —
как он поет в ушах, в груди;
покой и рыжики в сметане
(не зря же ты бродил в лесу) —

закоренелый горожанин,
все это в сердце я несу.
Все это до того родное —
иного даже не хочу
и потому о крымском зное
и Черном море я молчу.
И потому мне лучший отдых
в неброском северном раю.
Здесь русский дух и русский воздух, —
об этом рае и пою,
где под окном рябины гнулись,
кусты шептались у пруда...
От асфальтированных улиц
меня всегда влекло туда.

* * *

Видишь — ивы входят в речонку,
в опрокинутые небеса;
видишь — ветер, упругий и звонкий,
клонит желтую спину овса;
видишь — тропка бежит через клевер
в чуткий шелест берез и осин —
это Север, родной твой Север,
что на целой земле — один...

ОДА ГРИБАМ

Я думаю, лес — это целая повесть,
роман, с увлечением написанный кем-то.
Бродить и бродить бы в затишии, то есть
под этим зеленым развесистым тентом.

На юге, быть может, сейчас апельсины,
быть может, лимоны, бананы, быть может,
а здесь замечаешь лишь гриб под осиной,
но, скромный, он мне апельсинов дороже.

Исканье грибов — это просто поэма,
где строчки растут под сосной и осиной,
где целые главы и целые темы
припомнишь потом, разбирая корзину.

Но лето кончается. Голое поле
вплетается в ткань облетающих листьев.
Сентябрь, что сидит на холодном престоле,
все чаще нам шлет непогоду и мглистость.

Грибы отмирают — без крика, без боли,
но в полднях какой-то ласкающий хмель есть;
и сивая осень уж пляшет в раздольи
и ржет под рыдающий лиственный шелест.

Я знаю, что лето лесное — шумнее,
я знаю, что осень — багряней и тише,
но вот описать это — много труднее,
но вот описать это — вряд ли опишешь.

Но я доказал бы, с южанином ссорясь,
что юга милей мне чащобы и кочки...
Я думаю, лес — это целая повесть,
а эти грибы — стихотворные строчки.

ОДА ДОЖДЮ

Солнце не струилось сквозь листья, сквозь ветки,
не ласкало, глядя, башен, крыш, голов;
солнце было птицей, пленной птицей в клетке,
в наглухо закрытой клетке облаков.

Утро было грязным. Гряды стали тестом;
заголивши руки, дождь его месил;
и казалось, в мире не найдется места,
где бы он не побыл, где б не наследил.

Небо было вязким, непроезжим, топким,
как в глухую осень захолустный путь:
хоть бреди дорогой, хоть иди по тропке —
чуть не по колено можно утонуть.

На одной из улиц, в хмуром, сонном зданье,
плачущие окна тронувши рукой,
кто-то так промолвил: «Слушай, перестань, а?»,
кто-то молвил этак: «Слушай, дальше крой!»

Никому не внемля, с поднебесной выси
шел, струился, падал, изливался, лил —
волен, суверенен, резок, независим,
до конца, до точки, до потери сил.

Обходясь без молний, обходясь без грома,
он касался лысин мчавшихся машин,
он их мыл и драил, яр и неуемен,
после — добирался до колес и шин.

Проливной, тяжелый, мощный, сильный, плотный,
он был работягой, он рабочим был.
Дай природе деньги — так она охотно
заплатила б столько, сколько б запросил.

Вес и звон имел он, шумный, полновесный;
жажду утоляя, свежестью дыша,
он хлебам был нужен, он был нужен песне, —
от него и песня, стало быть, свежа.

Если б я, негромкий, так умел трудиться,
чтоб в стихах был тот же вес, и шум, и звон,
если б так же полно мог и я излиться,
как излился щедрый, вечно юный он!

* * *

Хлебозавод особо уважаю:
там в воздухе не запах — аромат.
Лишь мимо прохожу — и вспоминаю,
как я бывал здесь много лет назад.

Тогда мальчишкой шел я через город
сюда, где долгожданный хлеб пекут,
ведь в двери к нам тогда стучался голод,
костляв и лют.

Как часто, приходя, вдыхал я этот
ржаного хлеба теплый аромат.
Хотелось завернуть его в газету
и взять домой, где мать, сестра и брат.

Теперь мы хлеб не так высоко ценим,
как в те неизгладимые года,
но этот запах для меня священен —
и навсегда.

* * *

Когда закат приветствует звезду,
мудрит хозяйка в кухне у окошка,
соединив в одно
сковороду,
подсолнечное масло и картошку.

Туда пойдет и белая треска,
все оросится мелким ливнем соли;
лавровый лист еще возьмет рука
и бросит перца маленькую долю.

Теперь приготовлениям — отбой,
розетка с вилкой ждут соединенья.
Ну что же, плитка, дело за тобой,
но больше за хозяйкиным уменьем.

Как я люблю шипучий этот пир,
братание огня с трескучим маслом,
и запах, что струится из квартир
в тот час, когда заря почти погасла.

Мне хочется, чтоб запах тот летел,
чтобы его вдыхала вся планета,
и, если б была можно, я б хотел
такой вот радиации, как эта.

Тут атомы никто не расщеплял,
тут кровь и ткань не будут распадаться.
Огромный бы котел я заказал
для получения этой радиации.

Но я увлекся. Стол уже накрыт.
Как облако, бела простая скатерть.
За мыслями приходит аппетит,
и эта проза тоже очень кстати.

Да проза ли? Она мне дорога!
Она сто раз с поэзией сроднилась...
Простой и мирный запах очага —
не зря нам жизнь дала такую милость.

* * *

Охотники — с охоты,
с рыбалки — рыбаки,
как от крутой работы
усталы и тяжки...

Супруга варит утку,
в уху идут ерши;
но пища — для желудка,
а стопка — для души.

Вернее: для согрева
от рек, лесов, болот,
где прямо, справа, слева
топь, ветер или лед.

С хозяином — товарищ.
И не смыкают уст.
(«Жена! Что долго варишь?—
У нас желудок пуст!»)

И вот она приходит
и ставит все на стол.
Конец и спорам, вроде,
и рассказням пришел.

Но нет, они пробают,
не от вина хмельны, —
от леса и от лая,
от шороха волны.

В многоквартирных зданьях,
в уюте их живет
романтика скитаний
среди чащоб и вод. —

И жизнь людей не рушит,
не гробит их умов,
а протрезвляет душу
от разных пустяков.

Завязнувшего в быте —
в леса, к волне реки,
охотники, возьмите,
возьмите, рыбаки!

* * *

В бане жар, в бане пар, и тазами гремят,
и от ног в раздевалке следы;
а как выйдешь оттуда — стоит автомат,
автомат, не дающий воды.

Нарисованы фрукты на нем и стакан,
ягод стая под веткой висит,
но стоит автомат, как тупой истукан, —
никого не поит, не поит.

А уж как хорошо б, а уж как хорошо б
после жару — водицы такой,
но стоит автомат — металлический гроб,
на который махнули рукой.

И меня эти мысли томят и томят
(далекó ль за примером ходить?):
стать боюсь я таким же, как тот автомат,
автомат, не дающий попить...

В ЦИРКЕ

Ох, клоун, ты ничем нам не поможешь,
кривляясь перед публикой, дуря;
давно пора бы стать тебе построже,
серьезнее, по сути говоря.

Твой юмор, близкий родственничек трепа,
копает, ей-же-ей, неглубоко,
и со времен, что были до потопа,
наверно, не ушел он далеко.

Когда ж гимнасты в ритме буги-вуги
смертельный исполняют свой полет,
мы от него не то чтобы в испуге —
он мертвой хваткой за душу берет.

На символ века более похоже
рискованное это мастерство,
и юмору пора бы быть построже,
когда он снизу смотрит на него.

* * *

Пуля останавливает сердце.
Сердце останавливает пулю.
Если же металл пройдет навывлет —
он другое сердце поразит.

Пуля знает, что людское сердце
перед ней, свинцовой, так непрочно.
Но оно стоит пред нею насмерть,
жизнью останавливая смерть.

—————

* * *

Морщины на лице — следы резца.
Как изменяются черты лица,
когда своим резцом, ваятель-время,
касаешься ты нашего лица!

Но пусть лицо уже изменено,
пусть скоро старость постучит в окно,
ты все равно бессильно, скульптор-время:
всегда кому-то дорого оно.

* * *

По звуку — в раковине море,
она повсюду им полна:
как на ее родном просторе,
в ней песня гулких волн слышна.

Учись, душа: в края какие
ты ни была б занесена,
Отчизной, Родиной, Россией
останься до краев полна.

* * *

Вот когда судьба с тобой не спорит,
как предвидишь ты стечение бед!
И антибиотиков от горя
на сегодня — сам ты знаешь — нет.

Потому-то, друг, не зарывайся,
точно в землю крот, в свою беду.
Зная, что поможешь, — обращайся
и ко мне за помощью! —
Приду!

* * *

Почтовый ящик... Опускаем
надежды, просьбы, гнев и боль
и сами, может быть, не знаем,
не сознаем вполне ту роль,
сыграть которую дано нам
в чужих делах, в судьбе самой,
когда с бесстрастным почтальоном
придет пристрастное письмо.

* * *

Сто жизней есть, пока есть юность,
есть после юности — одна...
Была серебрянее лунность,
была пахучее весна.

Зима казалась не суровой,
бодрее были холода,
спелей — звезда, певучей — слово
и терпче — праздник и страда.

Там было все острее и ярче,
потом — скупей, тупей, тусклей...
Златая рыбка скажет: «Старче!
Не пожелай, а пожалей.

Не пожелай палат богатых
взамен полатей да избы,
а пожалей о днях крылатых,
о вешних днях твоей судьбы.

И во дворец тебя вселю я,
и златом будешь ты богат,
но только юность золотую
мне не вернуть тебе назад!..»

* * *

Созрело решенье такое —
уехать куда-нибудь в глушь,
чтоб там из мозгов на покое
повыветрить всякую чушь.
Чтоб сладостно тополи пели,
чтоб вместо часов — петухи
с утра поднимали с постели
писать неплохие стихи.
И чтоб суета стусhevалась
и чтоб тишина этих дней
в мой стих залучить постаралась
природу, и быт, и людей.
Не так ли вот Пушкин когда-то
(хоть, каюсь, пример-то каков!)
менял все дворцы-казематы
на волю полей и лесов...
О, временно выключить время
и сбросить на плечи чертей
извечное тяжкое бремя
забот, и работ, и страстей!
Как дерево, — стать над рекою,
как птаха, — лишь чувства иметь!..
Созрело решенье такое,
а там — лишь уметь да суметь!

* * *

Двадцатый век не терпит ожидания!
Ему в момент все вынь да положи:
он сокращать умеет расстоянья,
он приближать умеет рубежи.

Но вот помеха: в тучах — ни просвета,
как струны, струи тоненько поют.
Кто пьет вино, кто курит сигареты,
поскольку самолет не подают.

Ох, затяжной!
Без молнии, без грома
знай только сеют влагу небеса,
в то время как вокруг аэродрома
шумят косноязычные леса.

Что ж, век чудес споткнулся на погоде...
Но, может быть, пока, ругаясь, ждем,
он ищет и к решению подходит,
как с засухой сразиться, как с дождем;

в пророческой тиши лабораторий,
как атом, расщепляется вопрос,
чтоб в будущем
погоды ждать у моря
нам, жителям планеты, не пришлось;

чтоб люди на любом аэродроме
не крыли авиацию вразлет,
чтоб не хотелось им разбить барометр,
когда не вылетает самолет!..

И, как бы в подтвержденье этим думам,
вдруг тонкий луч сквозь прорву туч блеснул,
и по лесам, до этого угрюмым,
как одобренье, прокатился гул!

* * *

Представь людей былой эпохи:
имея силушку былинную,
брались прапрадеды за сохи
и поднимали ширь целинную.

А в праздник — с радости ли, с грусти,
на мир смотря глазами юными, —
брались прапрадеды за гусли,
простые ящики со струнами.

И лишь когда к священным градам их
враги с мечами подступали, —
за тяжкий меч брались прапрадеды
и не корили, а карали!

* * *

Свечу и Марс не соизмерить.
Ей Марс не виден был во мгле,
и Марс не мог в нее поверить,
ее не видя на Земле.

Но свет свечи и луч планеты
встречались в комнате одной,
где по ночам зимой и летом
сидел фантаст, уже седой.

Свеча давала свет в потемках,
а Марс он видел и во сне...
Но слышал голос он негромкий:
«Тебе не знать того, что мне!

Твоя свеча, увы, погаснет,
погаснет где-то жизнь твоя.
Поверь, безумец: труд напрасный —
проникнуть в тайны бытия.

Ты на себя берешь не много ль?
Слаба свеча, и ум твой слаб!..»
Но пусть то был хоть голос бога,
он не внимал ему, как раб.

Свеча и Марс ему светили,
и ум светил ему в ночи.

К нему прозренья приходили,
он сделал первые ключи.

В свой век, безвестный и негромкий,
он стал создателем начал.
К другим замкам —
своим потомкам
ключи он сделать завещал.

И открывалась дверь за дверью,
была работа горяча.

Свечу и Марс не соизмерить,
но светит Вечная Свеча!

ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ

В монастыре сидит один отшельник,
молчальник с рыжеватой бородой;
на шее у отшельника — ошейник,
державший банку с краской молодой.

Здесь лики, Дионисием великим
написанные древле на стенах,
но с лесенки на выцветшие лики
сейчас глядит не схимник, не монах.

Художник он, и он их обновляет,
дарует им второе бытие.
Вот потому и краска молодая,
как я сказал вначале про нее.

А мир — цветной, языческий, огромный,
далекий от догматики святой,
нисколько не смиренный и не скромный —
и вдаль и вширь простерся за стеной.

Там нынче август: бархатная зелень,
лужайки под деревьями в свету.
Как и в веках, все так же смугл и спел он,
он прививает душам красоту.

Языческая, светлая природа,
и солнечные листья будят тишь:

их шелест отдается в гулких сводах,
как дождик, что стучит в железо крыш.

И говорят: бывало, жизни этой
иной и не выдерживал монах —
бежал расстригой в зелень, в солнце, в лето,
оставив бога в четырех стенах...

Тут рядом мир. В оправе леса реки.
Лазурь озер. Пунцовая заря...
А он от мира кажется навеки
отторженным стеной монастыря.

Но, мир, ты не играй пока на чувствах!
Вернется он на твой пресветлый пир.
Что бог ему? Ведь бог его — искусство,
творец и раб которого — ты, мир!

ЛЕРМОНТОВ

Что в жизни? —
Армейский поручик,
одет в офицерский мундир...
Но с ним —
от былинки до тучи
и звезд —
разговаривал мир.

Потомок шотландского рода
и русский до мозга костей,
он грезил высокой свободой,
как парус — простором морей.

О, сам он был парусом белым,
поклонником бурь и тревог,
и был ослепительно смел он
и рыцарски был одинок.

Душимый и строем и бытом,
он в сердце лелеял мечту:
он, звавший Россию немойтой,
предвидел ее чистоту.

И с Пушкиным вышло проститься.
Он пишет, он слезы отер:
читайте, царевы убийцы,
подписанный им приговор!

«Такой неумный характер
подальше держать от столиц!» —
скомандовал царь.

И по трактам
с завидною легкостью птиц
несут его дружные кони —
аж пыль только следом взвилась.
Но дальше коней не погонишь,
коль встал на дороге Кавказ...

Он знал, кто карает поэта,
и только не знал, что страшней:
наветы ль, прицел пистолета
иль посверк чеченских ножей.

Но в том пятигорском июле
не ждал он так скоро конца...
Не тронули горские пули,
так тронула пуля глупца.

Тупую и глупую пешку
в руках «высочайших особ»,
убийцу толкнули: «Не мешкай!
Он сам так и просится в гроб».

Ужален сарказмами, кинув
перчатку поэту к ногам,
себя недалекий Мартынов
обрек на презренье векам.

А павший, — как древо в цветенье,
пронзенное молнией в грудь, —
и смерть попирая и тленье,
в бессмертный отправился путь!

* * *

А если бы не свет и не заря,
не шум листвы, не грозы и не тучи,
то на земле, по правде говоря,
наверно б, и не мог родиться ТЮТЧЕВ.

Но что такое вешняя гроза —
мы без него бы недопонимали;
не так она б сверкала нам в глаза,
не так бы душу молнии взрывали.

Я вижу: он, проснувшись, слышит зов
и, точно бог, нисходит вновь на землю,
внимая хору тысяч голосов,
и небу, и земле, и водам внемля.

* * *

Переплетение
дождя
и щелканья пернатых,
нивесть откуда приходя,
тревожит сном объятых.

Как будто чутких две струи
сливаются в движеньи
и исчезают в забытьи,
смолкая при паденьи.

Я это слышал, но не мог
осмыслить это в дреме,
и тишина без задних ног
спала в уснувшем доме.

Тот звук сквозь сон в меня забрел
и, приоткрывши дверцу,
легко, на цыпочках прошел
в незапертое сердце.

— — —

* * *

Так и скажем без вранья:
рано поутру
интервью у воробья
робко я беру.

Потому что этот гость, —
с виду хоть и сер, —
видит дружбу, видит злость
многим невпример.

Так вот и привлек сейчас
малого ко мне
немудреный мой припас —
крохи на окне.

Что ж — питайся да ответь,
как твои дела?
Хорошо ли нынче петь,
коль весна пришла?

Или время настает
выводить птенцов?..
Крохи юркий гость клюет
и не тратит слов...

Ближе я — он тотчас прочь:
мол, любезный друг,

ты нас этим не морочь,
нам ведь недосуг.

Чирк — и прынул к небесам,
чирк-чирик: «Адю!
Вывод сможешь сделать сам
после интервью!»

* * *

Цветы не позавидуют цветам,
деревья не завидуют деревьям,
и птицы, подымая шум и гам,
взаимно не выходят из доверья.

Их шум и гам — от щедрости земной,
от радости, что солнце вышло снова,
что зелень в сочетанье с синевой —
их жизни благодатная основа.

Им равенство прав
праматерь их дала,
прообраз демократии, природа:
все лепестки — равны,
и все крыла,
и листья — у древесного народа.

Так и живут вот, радуясь всему,
и крылья, и листья, и разнотравье —
и зависти не знают потому,
что есть первопричина—равноправье.

* * *

А лето в два цвета одето:
зеленый — бушуют леса,
и чашею синего цвета
накрыли весь мир небеса.

И лето, конечно, прогрето;
источники этого — два:
то волны тепла, волны света.
О сладостный пир естества!

Вот этой-то прелестью лета
и наши два ока полны:
два цвета в них,
две на планету
идущих от солнца волны...

Как жаль, что не два только лета!

* * *

В лугах, и пестрых и веселых,
хлопочут медленные пчелы
и запасают светлый мед,
чтоб ожидать без тени страха
поры, когда природа-пряха
седую нить зимы спрядет.

И ты, чудак, — в ком мысли бродят,
но часто формы не находят, —
как и пчела, страшись того,
что улей пуст зимою будет,
что ничего в нем не прибудет
ни для тебя, ни для кого...

* * *

Цыплят по осени считают,
но что-то осенью мой глаз
вниманья им не уделяет,
их оставляя про запас.

В глаза бросается другое:
перины высохшей листвы —
как предписание о покое
для утомленной головы.

Ан нет — не то, опять не это.
Какой там осенью покой!
В природе — вечной мастерской —
идет работа, как и летом.

Опять в ней что-то созревает
и зарождается опять,
хотя нам зренья не хватает
все уловить и увидеть...

О мысль моя! Не засыпай!
Учись у матушки-природы:
цыплят — в любое время года,
не только осенью, считай!

* * *

Памяти цветастые таблицы
чаще открываются очам,
если колкий снег в окно стучится,
хрусткий ветер стонет по ночам.

Это — словно к мертвенному шифру
что-то вдруг подскажет верный ключ,
и тотчас бессмысленные цифры
озарит разгадки светлый луч.

Ясно видишь, четко вспоминаешь
дорогой для сердца эпизод,
точно мед янтарный выбираешь
из наполненных когда-то сот.

И пускай там гулко воет ветер,
и пускай крупую сыплет снег, —
эликсиром в жилы льется лето,
полное тепла, утех и нег...

* * *

И я удивлен с непривычки,
привыкнув к скелетам стволов,
коль вспыхнуло, словно от спички,
зеленое пламя садов.

Пред этим ликующим чудом
я нынче стою словно пень:
деревья сошлись всем людом
отметить столь праздничный день.

И шум их качает, врачует,
врачует, качая, меня,
и, что-то великое чуя,
я чую: мы в чем-то родня.

Деревья воскресшие эти —
как братья немые мои;
им песнь о тепле и о свете
я тихо пою в забытьи.

И, сам удостоенный пенья
воскресших с весною дерев,
я весть о своем воскресеньи
в их пенье услышать готов...

РАДУГА

Семью цветами вспыхнувшая ярко,
она казалась триумфальной аркой.
Но для кого воздвигнута она,
где личность, что пройти под ней должна?

Над городом вися косою верстою,
она казалась конскою дугою.
Но где же конь, хомут и удила,
которым бы она под стать была?

Повернутая к небу полукругом,
она казалась исполинским луком.
Но где же тот стрелок и стрелы где,
чтоб выстрелить по солнцу иль звезде?

* * *

Ах, в Белозерске нынче лето.
Оно течет в листву садов,
пропитывает знойным светом
канал и палубы судов.

У озера рыбачья лодка,
на солнце дремлют валуны,
и белотелая молодка
идет в объятия волны.

Вода — и в зной не перегрета —
ласкает свежестью своей...
Ах, в Белозерске зелень, лето —
и жаль сниматься с якорей.

* * *

А речь пойдет о пустяке,
в нем не открыть Америк:
зablещет лещик на крючке
и шлепнется на берег.

Потом подъязок в свой черед
попробует приманку,
а там, глядишь, рыбак берет
еще червя из банки.

Когда ж промолвят: «Ничего!
Тут что-то наберется!» —
тогда начнется колдовство
и торжество начнется.

Для этой цели есть ведро,
и на костре огнистом
в ведре вскипает серебро
с наваром золотистым.

И, кроме прочих всех приправ,
рыбак в него добавит
стакан того, чей крепкий нрав
уху не обесславит...

А там — до розовой зари
недолго ждать осталось;

смотри — и вместе с ней гори,
чтоб все в душе осталось:

все эти снасти и крючки,
дымок по берегу реки,
короче: все те пустяки,
как мнится неким людям,
но без которых — бедняки
и старики мы будем!

* * *

О, как ты переходен, август, — вижу.
Ты — сгусток, подытоженный расцвет.
И вижу я, что я к тебе все ближе
с разворачиваньем длинной ленты лет.

Просвеченная, ровная погода:
вся знойность грозовая отошла.
Ты принесла плоды свои, природа,
и в них покой желанный обрела.

Придет сентябрь. Замедлит время реки,
остудит пыл полдnevному лучу.
Что будет в эту пору в человеке —
не знаю и пока что промолчу.

И, право, встретясь с августом, не диво
подумать, оглянуться, помолчать;
и как-то неприлична торопливость
во всех, на ком стоит его печать.

Так здравствуй, август, — время мерных мыслей, —
помедленней раскручивай их нить:
твои плоды на всех ветвях повисли —
и мне б ни одного не пропустить.

— — —

* * *

И, видишь, закончено лето.
И ветер. И зябкость. И дождь.
Пусть рощи еще и одеты,
нет солнца над шелестом рощ,

над тихой, настолько кристальной,
насколько спокойной рекой,
что видишь на дне
беспечальный
глубокий, прозрачный покой.

Уже не стрекочут стрекозы,
как ранее, в летнюю лень, —
лишь капли дождя, как занозы,
пронзают нахмуренный день.

На смену теплу и погоде
идет непогода.

Разлад!

О преображенье в природе

сегодня без слов говорят
и хмурь на дневном небосводе,
и ветер, и лес, что выводят
какой-то мотив невпопад.
Ты слышишь — как листья шумят!

* * *

— И что в ней такого нашел ты?

У ней перспективы-то нет...

— О нет! В этой осени желтой
смешались и краски и свет.

— И роща-то, глянь, обветшала:
не та, что весною, не та...

— О нет! Этой осенью шалой
просторнее наши места.

— Не нынче, так завтра по стеклам
протянется влажная нить...

— О нет! В этой осени блеклой
ничто я не буду винить.

— Ну что в этой осени сирой?
Прощальная, право, пора...

— О, каждое дерево — лира,
на коей играют ветра!

— — —

ПУСТОЙ СКВОРЕЧНИК

Взгляни на скворечник однажды:
жилплощадь пуста, словно фляга,
откуда с великою жаждой
до капельки выпита влага.
До капельки выпившим лето,
почуявшим силу и смелость,
от зябких осенних рассветов
скворцам далеко полетелось.
Не ждаться же, покуда на липе
и дубе иссякнет одежда!
Есть крылья — и можно в Египет,
где красное лето, как прежде.
Да будут прославлены крылья,
дающие в жизни немало:
уйти от тоски и бессилья,
стряхнуть и мороз и усталость.
Да будет им слава, дающим
вернуться на землю родную,
такую нагрузку несущим,
работу творящим такую,
что, судя по мощности крыльев,
те птичьи полеты за летом
такого же стоят усилья,
как наши полеты к планетам!

* * *

— Какая ты ленивая, вода!
Ты в берегах почиешь дни за днями.
К тебе, надежно скрытой за холмами,
и ветру не добраться никогда.

— Ты говоришь, ленива я, вода?
А чья же сила и плоты таскала,
и корабли огромные качала,
и лопасти больших турбин вращала,
чтоб током наливались провода?
Не верь же, что ленива я, вода.
Ленивой сделал пруд меня, когда
в него я волей случая попала.

* * *

О мой подсолнух!
На рассвете
тебе объявлен приговор:
судил тебя
мертвящий ветер,
студеной осени простор.

Какую-то
судьбу людскую
ты повторяешь не к добру:
ты головой поник, тоскуя —
что гость последний на пиру.

* * *

Студено, звонко утро октября.
Глянь: выпал иней, крыши серебря,
и неразрывно с этим цветом слиты
и алая, румяная заря,
и озимь — цвета малахита...

Но стает иней, догорит заря,
и в сумерках померкнет зелень озими.
Стучат часы, и день с календаря
срывается листком в озера осени...

* * *

Бывает: только протираешь
глаза, залепленные сном, —
и сразу, тотчас замечаешь,
что беловато за окном.

Да, первый снег. Чистейше-белый,
глядит сквозь окна со двора.
Раздвинул день свои пределы:
в то время темь была вчера.

Да, снег. И пусть он даже стает,
пусть снова будут дождь и мгла,
мы в белизне его читаем,
что осень кончила дела.

Да, снег. Под острыми ветрами
в снегу сады, мосты, дома.
Свою неброскую рекламу
уже повесила зима.

* * *

Вновь наплывают слова...
Как мне все это знакомо:
мартовская синева,
в теле, в душе — невесомость.

Точно губительный гнет,
что ощущал ты когда-то,
больше уже не гнетет,
к этому нет и возврата.

Вновь у деревьев нагих
тени, глубокие тени:
юное солнце на них
бросило свет свой весенний.

Снова снуют воробьи
после томительной хмури:
«Чьи мы? Известно, мы чьи:
дети весны и лазури».

Вновь пробуждается то,
что называется жизнью,
что, несмотря ни на что,
мощными струями брызнет!

—————

* * *

Апрель. Тепло. Земля дымится.
Растаял снег уже давно,
и веткой тополя стучится
оживший сад к тебе в окно.

Как рыба, ходишь бессловесен
и невменяем, как во сне;
но семена грядущих песен
уж набухают в тишине.

* * *

Когда уже май на исходе, —
на ветре настоены дни;
но ты не горюй о погоде —
на чудо черемух взгляни.

Они — как весеннее знамя,
и каждый с рассвета готов
вдыхать белопенное пламя
дурманных разум цветов.

И ты осторожной рукою
сорви лишь по ветке у них,
поскольку и чудо такое —
одно из созданий живых...

* * *

Половецких имен первозданность
чернокудым таким подходила б,
и, живи ты в ту давнюю давность,
ты бы их языком говорила.

Ну, а я был бы волосом светел,
как моя сторона-северянка,
и уж если бы я тебя встретил,
я бы взял тебя в плен, половчанка...

СИРЕНЬ

Когда теплеет неба бирюза
и шлет привет заре
жилец скворешни,
сирени белоснежные глаза
глядят на нас бесценным чудом
вешним.

Цветы дают уроки красоты
и лекции по нежности читают.
Кому
мужчина дарит вас, цветы?
Цветы,
он вас для женщины срывает.

Тем самым признаем мы,
что подчас
язык наш до того несовершенен...
и поручаем все сказать за нас
букету свежесорванной сирени.

* * *

Есть разговор на языке,
который всех сложней и проще.
Так море говорит реке,
так луч — траве,
так ветер — роще.

Так завещала нам земля,
родная мать всего живого,
так призывают нас поля —
взять за пример язык без слова,

где говорит со взглядом взгляд,
где руки что-то шепчут в лад,
и так их речи любви,
и губят, а не говорят
губы.

* * *

Теперь, когда с погодой не блестяще,
дождь смыл твои последние следы.
Я спрашиваю мой почтовый ящик,
но он молчит—как в рот набрал воды.

Мне надоело жить среди молчащих!
Возьми бумаги, ручку и чернил
и сделай так, чтоб мой почтовый ящик
в один прекрасный день заговорил.

* * *

Встреча с прошлым, встреча с прежним —
как мятущийся костер,
что, как руки, за проезжим
языки огня простер.

В нем горя, былая повесть
просит вспомнить, не забыть,
дров подкинуть...
Только совесть
не согласна тормозить.

Мимо, мимо... Все осталось.
Впереди — стрела пути.
Ни усталость,
ни отсталость
не заманят подойти.

Проезжаю.
Уезжаю —
дальше, к селам и лесам.
И костер горит, сгорает,
дым уходит к небесам...

* * *

Хорошо, если песня поется
и слова не силком притягиваются,
если радость — ведрами льется,
а печаль — и совсем не подкрадывается,
если кто-то при встрече смеется,
а потом, отойдя, оглядывается.

Хорошо, когда сила в размахе,
много смеее и умеете,
и когда ни тревоги, ни страха
испытать еще не успеете,
и еще не сказал парикмахер:
«Эх, приятель, уже седеете».

Хорошо, если солнце смеется,
если сон счастливый привидится,
хорошо, когда доведется
с кем-то очень хорошим свидеться;
в это время и песня поется
и другая — еще предвидится.

* * *

Когда июль цветет у нас в краю
и небеса приветливы и сини,
мы на поклон являемся к ручью
и ходим в гости к вербе и рябине.

Заходим и к березам в хоровод,
и, отрешая от забот и тягот,
нам лес
хмельной напиток подает
из ароматов трав, смолы и ягод.

На то и лето. Каждый выходной
спешим уйти от камня и железа
и в очередь встаем за красотой,
которую дают нам безвозмездно.

И, приобщившись к посвисту ветров
и побратавшись с влажностью речною,
яснее мы и чувствуем без слов,
что на душу повеет чистотою.

Да, на счету души — не нищета,
не суета, тщеславие и зависть, —
цветут в ней чистота и красота,
цветут, как цвет, что дарит миру завязь.

* * *

Еще на день убавилась зима,
и больше света белого, и ясно.
Очерчен так любой земной предмет,
что светлое и к сердцу подступает.
Уверенней походка зимних птиц
по пуховым перинам, что на крышах
еще лежат, готовые исчезнуть,
как только разорвет их оболочку
и пух на воздух вытряхнет из них
весенний ветер.

* * *

Я шел спешащими шагами
под вечер мартовского дня.
Домá счастливыми глазами
смотрели молча на меня.

И дом за домом освещался,
включал огонь за домом дом.
Лишь только тот не улыбался,
что предназначен был на слом...

* * *

Как спутники вокруг родной планеты,
вращаетесь вы, листья, вокруг ствола;
вас осень, отчеканив как монеты,
насильно от ветвей оторвала.

И вы, расцветкой праздничной мерца,
которую луч солнца даровал,
и косность и неподвижность отрицая,
справляете прощальный карнавал.

Будь ваш полет хоть низким, хоть высоким,
сошьетесь вы с землею в белой мгле:
чтобы земля всегда рождала соки,
природа вновь заплатит дань земле.

Вы упадете жертвой вековой
и мыслью вековечной о том,
что жизнь ведь создана не для покоя
да и без жертв немыслима притом.

Но я сейчас светло смотрю на это:
пробьет ваш час, но жизнь-то не прошла,
все — спутники единственной планеты —
мы кружимся вокруг ее ствола.

* * *

Стучите, друзья, стучите —
меня нынче дома нет;
мне некогда:
много событий
и разных приятных примет.
Мне жизни теперь не хватает,
чтоб выкроить время весне —
часы
так стремительно тают,
как этот худеющий снег,
как птицы проносятся стайей...
Но все же, Весна, не грусти:
я даже друзей оставляю,
чтоб только к тебе уйти.

* * *

Народ наш смелый видел виды.
Пример: зайдет знакомый вдруг
и на вопрос: «Откуда, друг?» —
ответ: «Вчера из Антарктиды».

А завтра будут не смешны,
а чуть ли даже не обычны
слова, что сказаны не зычно,
а даже скромно: «Я — с Луны».

СЕНТЯБРЬ

Не слышно голосов — не оттого ли,
что отдыхают жнейки и серпы?
На выбритом, но колющемся поле
расставлены дородные снопы.
Снопы, снопы — они на поле этом,
как шахматы, безмолвные стоят,
как будто осень здесь играла с летом,
безжалостно ему поставив мат.

* * *

Открытие мира продолжается!
Он этим, мир, и знаменит:
с утра он новью заряжается
и новью этою звенит.
Стреляет он то сизой тучею,
то свежей зеленью в росе,
то от крутых ветров кипучими
колосьями на полосе.
Пять чувств у нас, что называется, —
он бьет из всех пяти стволов;
чем больше целей поражается,
тем больше мир открыт и нов.
Он поразит — и удивление
тебя охватит оттого,
что сам ты в это же мгновение
справляешь то же торжество.
И, удивленный гранью новою,
ты новой гранью сам блеснешь, —
как след, оставленный подковою,
сирень в заре, под ветром рожь.
Так виждь и внемли! Продолжается
земное это торжество.
А кто ему не удивляется, —
не удивляет — никого!

—

СОДЕРЖАНИЕ

«Какая емкая земля!..»	3
«Дни тикают, как точные часы...» ,	4
«В этих рощах глядит на пришельца весна...»	5
«На свете есть такая деревушка...»	6
«Нашу область помянут по радио...»	8
«От асфальтированных улиц...»	9
«Видишь — ивы входят в речонку...» . . ,	11
Ода грибам	12
Ода дождю	14
«Хлебозавод особо уважаю...»	16
«Когда закат приветствует звезду...»	17
«Охотники — с охоты...» , ,	19
«В бане жар, в бане пар, и тазами гремят...»	21
В цирке	22
«Пуля останавливает сердце...»	23
«Морщины на лице — следы резца...»	24
«По звуку — в раковине море...»	25
«Вот когда судьба с тобой не спорит...»	26
«Почтовый ящик... Опускаем...»	27
«Сто жизней есть, пока есть юность...»	28
«Созрело решенье такое...»	29
«Двадцатый век не терпит ожиданья!..»	30
«Представь людей былой эпохи...»	32
«Свечу и Марс не соизмерить...»	33
Ферапонтов монастырь	35
Лермонтов	37
«А если бы не свет и не заря...»	39

«Переплетение дождя...»	40
«Так и скажем без вранья...»	41
«Цветы не позавидуют цветам...»	43
«А лето в два цвета одето...»	44
«В лугах, и пестрых, и веселых...»	45
«Цыплят по осени считают...»	46
«Памяти цветастые таблицы...»	47
«И я удивлен с непривычки...»	48
Радуга	49
«Ах, в Белозерске нынче лето...»	50
«А речь пойдет о пустяке...»	51
«О, как ты переходен, август, вижу...»	53
«И, видишь, закончено лето...»	54
«И что в ней такого нашел ты?...»	55
Пустой скворечник	56
«Какая ты ленивая, вода...»	57
«О мой подсолнух...»	58
«Студено, звонко утро октября...»	59
«Бывает: только протираешь...»	60
«Вновь наплывают слова...»	61
«Апрель. Тепло. Земля дымится...»	62
«Когда уже май на исходе...».	63
«Половецких имен первозданность...»	64
Сирень	65
«Есть разговор на языке...»	66
«Теперь, когда с погодой не блестяще...»	67
«Встреча с прошлым, встреча с прежним..»	68
«Хорошо, если песня поется...»	69
«Когда июль цветет у нас в краю...»	70
«Еще на день убавилась зима...»	71
«Я шел спешащими шагами...»	72
«Как спутники вокруг родной планеты...»	73
«Стучите, друзья, стучите...»	74
«Народ наш смелый видел виды...»	75
Сентябрь	76
«Открытие мира продолжается!..»	77